

Irina Jerofiejewa

Н. В. Покровский и М. М. Крушевский об общих закономерностях семантических изменений

Acta Polono-Ruthenica 5, 315-329

2000

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Irina Jerofiejewa
Katedra Języka Rosyjskiego
Kazański Państwowy Uniwersytet

Н. В. Крушевский и М. М. Покровский
об общих закономерностях семантических изменений

В формировании лингвистического мировоззрения Н. В. Крушевского большую роль сыграли его углубленные знания в области философии, логики, психологии. Из философских направлений середины прошлого века на Крушевского наибольшее влияние оказал английский позитивизм с его утверждениями о возможности опытной проверки данных, полученных эмпирическим путем. В своих научных исследованиях ученый переходил от позитивистского наблюдения фактов, широкого использования опытных данных к раскрытию законов, управляющих изменениями в языке, и установлению связей между элементами языковой системы.

Одним из важнейших моментов в понимании общелингвистических взглядов Крушевского является его концепция языка как системы. Он одним из первых ученых-лингвистов применил принцип системности к изучению не только фонетики и морфологии, но и лексики. Причину исторической изменчивости языка Крушевский связывал с психологической природой языковой системы, основанной на законах ассоциаций. Язык как система знаков не существует отдельно от ума говорящих индивидов, и поэтому все, что существует в человеческом духе, подвержено действию психологических законов.

Для упорядочения системы языка Крушевский придает большое значение ассоциативным связям. Опираясь на философию Дж. Милля и, в частности, на его положение об одновременности или последовательности существования явлений природы, Крушевский выдвигает положение о двух законах ассоциации, действующих в языке, а именно ассоциации по смежности (порядок последовательности) и ассоциации по сходству (порядок сосуществования), понимаемых, однако, более широко, чем принятые в современной

семасиологии подобные же термины. Ассоциация по сходству предполагает, по Крушевскому, связь слова с другими словами не только на внешнем, звуковом или структурном, морфологическом, но и на внутреннем, семасиологическом уровне. „Всякое слово способно вследствие особого психологического закона и возбуждаться в нашем духе другие слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами” [2, с. 145]. Это положение представляет собой аналог теории семантического поля, разработанной в 20–40-х годах нашего века такими учеными, как Л. Вейсгербер, И. Трир, Г. Ипсен, В. Порциг и др., и получившей столь широкое распространение в современной лингвистике. Высказывание Крушевского об определенных типах связей между словами перекликается с более поздними определениями семантического поля. „Поле – это своеобразное осуществление тенденций взаимосвязи форм, их экспансии, воспроизводства морфологических и семантических моделей” [8, с. 4].

Второй тип связей между словами, при котором одно слово обуславливает употребление другого в их линейной последовательности, Крушевский называет ассоциацией по смежности. „Если вследствие закона ассоциации по сходству слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнезда, то благодаря закону ассоциации по смежности те же слова должны строиться в ряды” [2, с. 145]. Отмеченные отношения слов теснейшим образом связаны между собой, и их взаимодействие определяет развитие языка. В более поздних исследованиях эти отношения получили название парадигматических и синтегматических. По мнению Крушевского, прогрессивная ассоциация по сходству и консервативная ассоциация по смежности находятся в отношениях антагонизма. Все новое в языке основано на производстве в результате ассоциации по сходству, все старое – преимущественно на воспроизводстве, на ассоциациях по смежности. Это положение также было развито в исследованиях современных лингвистов. Так, В. В. Колесов, изучая семантику слова в исторической перспективе, отмечает „постоянное натяжение слова-знака между синтагмой (текстом) и парадигмой (системой)” [1, с. 41].

С ассоциативными связями слов в языке Крушевский связывает частотность употребления того или иного слова в речи, его вхождение в активный словарный запас. Чем слабее слово связано узами сходства с другими словами, тем хуже оно удерживается в памяти.

К таким лексемам относятся иноязычные слова, термины. Наибольшей частотностью употребления характеризуются лексемы, прочно закрепившиеся в памяти, функционирующие длительное время, чаще всего отличающиеся целым рядом отклонений, неправильностей. Это слова типа *хороший – лучше, ...быть, знать, ходить, ...я, ты, он, ...человек, дом, рука* и под., высокая частность употребления которых связана прежде всего с ассоциацией по смежности, когда носители языка „воспроизводят слова по памяти, нисколько не заботясь о том, что они давно перестали гармонировать с прочими формами нашего языка” [2, с. 169-170].

Определяя содержание языкового знака, Крушевский выделяет во внутренней стороне слова два значения: генетическое и индивидуальное [2, с. 54]. Под генетическим значением Крушевский понимает признак, который лег в основу наименования, являвшийся представителем данной вещи в момент номинации, а под индивидуальным – видовое понятие. Подобное разграничение значений отмечалось и у А. А. Потевни, который выделял ближайшее (этимологическое) и дальнейшее, субъективное значение [7, с. 20]. При наименовании выбирается кажущийся наиболее важным в данный момент признак, который и используется для названия предмета. „Название предмета первоначально есть часть его описания, служащая субститутом всего описания” [2, с. 197]. По мере функционирования слово соединяется в неразрывную пару с представлением о вещи, которую оно называет, вызывая представление о предмете во всей совокупности его признаков. „Если наши слова своим происхождением обязаны ассоциациям сходства, то своим значением они обязаны ассоциациям смежности” [2, с. 198]. Чем дольше слово употребляется, тем сильнее происходит затемнение его внутренней формы, генетического значения, а также морфологического состава. Иногда этимологическое значение даже приходит в противоречие со временным употреблением слова, например: *красные чернила, черное белье* и др. В историческом развитии языка происходит „сглаживание происхождения слова и его интеграция, ... изоляция слова, ... его отрыв от прежних родичей”, т.е. процесс дестимологизации [с. 198].

Рассматривая значение слова в семантической системе языка, Крушевский пытается установить закономерности выбора признака, который ложится в основу наименования того или иного предмета.

Процесс номинации происходит стихийно, но часто в разных языках слова имеют одинаковую внутреннюю форму. Это связано с общностью законов мышления, обуславливающей возможность одинакового взгляда на предмет людьми разных национальностей, которые, называя предмет, вычленяют в нем один и тот же признак. Например: белор. *весёлка* и литовское *linsmynė*, называющие радугу, образованы некогда от одного и того же прилагательного: белор. *вясёлы* и лит. *linksmas* 'весёлый'.

Изменения, которые происходят в мире вещей, неизбежно отражаются и на мире слов, используемых для их названия. Значение слова, по мнению Крушевского, определяется его употреблением, а не первоначальным происхождением, вот почему с изменением явлений, реалий окружающего мира изменяются и слова, их называющие, по своим собственным фонетическим и морфологическим законам. В значении слова постоянно происходят семантические сдвиги, одно и то же слово может служить наименованием целого ряда меняющихся со временем вещей. Изучению семантики слова в его исторической перспективе, этимологическому анализу Крушевский придает большое значение, отмечая его важность не только в лингвистическом, но и в культурологическом отношении. „Язык имеет собственную археологию. Живая летопись заходит в те отдаленнейшие эпохи древности, когда человек еще не писал своей истории; эта летопись повествует нам о таких фактах внутренней истории человека, которые не могут быть добыты никакими раскопками, не могут быть прочитаны ни на каких папирусах; она способна рассказать историю духа человеческого” [2, с. 201]. Таким образом, ученый подчеркивает первостепенное значение этимологического анализа для изучения не только собственно языковых явлений, но и культуры народа в целом.

Крушевский отмечает, что словарный состав языка пополняется не только морфологическим путем, путем образования новых слов, но и широко распространенным в языке семантическим путем. Появляющиеся новые предметы и реалии могут называться именами других вещей, имеющими с ними определенное сходство. Данное положение было развито в дальнейшем в Казанской лингвистической школе, а регулярные случаи переноса наименования с одного предмета на другой изучены и систематизированы в теории семантического словообразования, обоснованной профессором В. М.

Марковым [4].

Однако в случаях расширения значения слова, когда словесный знак приобретает способность соотноситься с целым рядом предметов и явлений окружающего мира, Крушевский видит причину оскудения содержания слова, выводя закономерность обратного отношения между сферой употребления слова и его содержанием: „чем шире употребление данного слова, тем менее содержания оно будет заключать в себе” [2, с. 206]. Слово утрачивает свой колорит, попадает в зависимость от смежных словесных знаков. С этим связана и частотность употребления того или иного слова в речи. Данное положение получило дальнейшую разработку у трудах современного польского языковеда Е. Куриловича, который отмечает: „чем обобщеннее (беднее) содержание знака, тем шире сфера его употребления говорящими; чем специальное (богаче) содержание, тем уже сфера употребления не только внутреннего (внутри системы), но и внешнего (в языковом коллективе)” [3, с. 19]. Оскудение содержания слова, по мнению Крушевского, является причиной „семасиологической порчи” и забвения слова.

Отмечая важность исследования исконного происхождения слов, их этимологии, Крушевский придает большое значение и изучению противоположного процесса – рэтимологизации, или „народной этимологии”, давая этому явлению оригинальную трактовку. Причину рэтимологизации, которой подвергаются прежде всего заимствованные слова, а также исконно русские слова, утратившие следы своего происхождения, Крушевский видит в стремлении чуждых народу слов ассимилировать к более обычным и частотным в языке словам. Этот процесс Крушевский называет лексической ассимиляцией, т.е. тенденцией к соотносению непонятных носителям языка слов к близким по звучанию словам, приобретение ими новой мотивировки. „Ассимиляцию можно определить как естественный языковой процесс, состоящий в устранении более слабых элементов в языке и замены их более сильными” [2, с. 56]. Суть рэтимологизации состоит в установлении соотношенности между такими словами, которые не находились в отношениях исторической производности. В результате этого процесса первоначально немотивированное слово превращается в мотивированное, приобретая соотношенность и членимость. Например: слово *муравей* возникло из *моровой* в силу сходства со словом *мурава*; слово *крестьянин*

первоначально имело вид *христианин*, но в результате ассоциации со словом *крест* изменило свой внешний облик; слово *свидетель* первоначально имело вид *сведетель*, так как было связано с глаголом *ведать* и обозначало человека, который что-то знает, в дальнейшем оно сблизилось с глаголом *видеть*; слово *тискарь*, будучи близким по звучанию слову *песок*, изменило свой облик в *пескарь*; слово *возместить*, связанное первоначально со словом *месть*, сблизилось с близкозвучным *место*; польское *zwietrzały* одного происхождения с русским *ветхий*, но сблизилось со словом *wiatr* и стало писаться через *rz* и т.д. Крушевский рассматривает процесс рэтимологизации как явление прогрессивное и тесно связанное с другими родственными процессами (фонетической, морфологической ассимиляцией), которые в своем взаимодействии приводят к упорядочению морфологической и лексической систем языка в целом.

Лингвистические изыскания Крушевского в области самасиологии во многом перекликаются с исследованиями известного младограмматика Г. Пауля. И хотя взгляды Крушевского на некоторые законы языка, в частности звуковые, расходились с мнением младограмматиков, он развил их учение об ассоциациях, применив его к исследованию семантических процессов. Многие частные моменты характеристики семантической системы Крушевский позаимствовал у Пауля, подробно описавшего исторические изменения в семантике слов, выявившего общие закономерности этих изменений, основные их направления. Важность исследования семантических процессов, по мнению Крушевского, связана как с поиском исконного происхождения слов, их „внутренней формы”, так и с определением частотности употребления слова на том или ином этапе его функционирования.

К наиболее существенным изменениям семантики слова относятся процессы сужения и расширения значения слов. Под расширением понимается увеличение семантического объема слова, способность слова соотноситься с большим рядом предметов и явлений в процессе исторического функционирования. Процесс исторического расширения семантики слова прослеживается в разных словах, подвергшихся процессу дэтимологизации. Например: древнейшее славянское заимствование *хлеб* в самых ранних памятниках письменности обозначало „пища, пропитание” и „изделие из муки”,

под которым подразумевался печеный ржаной хлеб, поскольку белый пшеничный хлеб назывался калачом. Слово *плод* первоначально называло „что-то, кого-то рожденного, детеныша”. Современное *плод* – „часть растения, развивающаяся из завязи цветка”, „зародыш детеныша” и „порождение, результат чего-либо” (плоды размышлений). Слово *вздор* некогда мотивировано глаголом *вздирать* (префиксальным к *дирать*) и первоначально значило „то, что содрано при очистке дерева от коры, стружки, хлам, отбросы”. В результате процесса расширения значения это слово стало употребляться в разговорном стиле в значении „нелепость, глупость, ерунда”. Этот процесс широко представлен и в именах прилагательных, например, в названиях цветов: *голубой* – первоначально „цвета оперения шейки голубя”, затем – „с окраской небесного, светло-синего цвета”; *коричневый* – „цвета коры (корицы)”, затем – „темный, буро-желтый цвет”. Прилагательное *рыжий* является однокоренным к существительному *руда*, которое первоначально имело значение „красная”. *Рыжий* – также „красный”, но не просто красный, а называющий по этому цвету масть скота. Затем слово стало называть оттенки красного цвета, в частности красно-желтый и красновато-бурый и т.д.

Противоположный процесс по отношению к расширению значения – сужение семантического объема слова. Слово становится представителем признака, более специфического, чем ранее, и начинает называть меньший круг предметов и явлений, отражая в названии лишь часть, разновидность того предмета или явления, которое было отображено старым значением. Ярким примером сужения значения слова является слово *вор*, первоначально обозначавшее „обманщика, лжеца, мошенника”, в дальнейшем слово *вор* стало называть лишь вид преступника, занимающегося кражами. Процессу сужения значения подвергаются многие прилагательные имена нулевой суффиксации, в которых происходит ослабление связи с мотивирующим глаголом, например, слово *сад*, образованное от глагола *садить*, обозначало все посаженное: „растение”, „дерево”, „сад”, „роща”, „луг” и др., в результате сужения семантики слово *сад* стало называть „участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами”. Слово *корм* в древнерусском языке называло любую пищу, в том числе и для человека, а также „угощение”, „пир”, „род подати”, современное *корм* – „пища для животных”.

Слово *труд* в древнерусском языке – это „страдание, горе, печаль, боль, грех, работа”, современное *труд* – „целесообразная деятельность человека” и т.д. Как отмечал Крушевский, семантика слова чутко откликается на любые изменения в реальной жизни. Значение слова связано с признаком, на основании которого оно было названо, только на первом этапе своего функционирования, в дальнейшем значения слова начинает зависеть от его употребления. Постепенно слово утрачивает связь с этимологом и начинает жить своей собственной жизнью. „Чем дольше слово употребляется, тем менее нужно ему сохранять следы своего происхождения и морфологического состава” [2, с. 198].

Некоторые лексемы, по мнению Крушевского, подвергаются минимальным изменениям в процессе своего функционирования, так как называют предметы, практически не меняющиеся со временем, например, животных или растения. Слова подобного типа не имеют и внутренней формы, „родичей”. Это обстоятельство препятствует расширению значения слов, возможности применения их для называния других предметов [2, с. 201-202]. Подобное постоянство и определенность значения приближает их к терминам. Крушевский различает естественную терминологию, которую составляют, например, названия животных и растений, и искусственную терминологию науки.

Если слово вырывается из определенной семантической системы, что происходит при заимствовании, оно теряет связь с другими значениями, утрачивает свойственную ему в языке-источнике внутреннюю форму, что приводит чаще всего к сужению значения слова. Слово, обладавшее в родном языке значительным семантическим объемом, в русском языке обычно используется для называния конкретного предмета. Например: *кекс* в русском языке – „сладкое сдобное печенье”, в английском *cakes* – ‘торт, кекс, лепешка, плитка, таблетка, пирожное’; слово *гараж*, заимствованное из французского, означает ‘помещение для машины’, во франц. *garage* еще и ‘вхождение в бассейн’, ‘переход на запасной путь’; слово *вагон* в русском языке – железнодорожный или трамвайный, в немецком *Wagen* – ‘то, что передвигается на колесах’: в русском *гвалт* – ‘беспорядочный крик’, в то время в польском *gwalt* – ‘насилие, крик помощи, сильный крик’ и др.

Итак, большое место в общелингвистической концепции

Крушевского занимает исследование семасиологических проблем, среди которых важное место занимает изучение семантической истории слов. заслугой ученого было то, что он одним из первых указал на сходство семантических процессов в разных языках, что он связывал с общностью законов мышления. Мнение Крушевского о возможности выявления общих закономерностей семантических изменений, наблюдающихся во всех языках, в истории русского языкознания получило более детальную и углубленную разработку в работах академика М. М. Покровского.

Покровский уделял большое внимание проблеме семантических изменений, выработав целую систему семасиологических исследований. Вопреки существовавшему мнению о невозможности определения исторических закономерностей в сфере значений слов, Покровский поставил перед собой задачу построения общей семасиологии на базе сравнительно-исторической лексикологии и семасиологии индоевропейских языков. В своих работах Покровский вслед за своим учителем Ф. Ф. Фортунатовым использовал принципы сравнительно-исторического исследования языковых явлений и одним из первых применил его в семасиологии. Он провел глубокие историко-морфологические исследования в области латинского и греческого языков, на базе которых сформулировал общие семантические законы. В то же время он постоянно использовал данные современных языков, считая затруднительным изучение семантической системы древних языков без учета явлений, протекающих в языках современных.

Изменение значений слов Покровский связывает прежде всего с культурно-историческими причинами, особенностями психологии народа. Одинаковые условия жизни разных народов приводят к общим тенденциям в лексической системе. Экстралингвистические причины приводят к изменению содержания представлений, связанных с отдельными предметами, что приводит к соответствующим изменениям в словах. Переносные значения возникают в результате разных типов ассоциаций между словами, связанными с предметами, ассоциированными в человеческом сознании. Если предметы имеют одинаковое назначение, служат одной цели, находятся в соседстве друг с другом, то представление о них уже ассоциированы, что находит отражение в общности семантических процессов в разных языках, связанной с общностью мыслительных, психологичес-

ких процессов, имеющих общечеловеческий характер. „Семасиологические явления не отличаются большим произволом, за ними скрываются какие-то законы” [6, с. 63].

Покровский рассматривает слова по „сферам представлений”, разумея под этим термином известные стороны нашего быта или группу однородных явлений внешнего или духовного мира” [6, с. 29]. Так как представления ассоциируются в сознании как по сходству, так и по противоположности, то и слова, сходные или противоположные по значению, ассоциируются друг с другом и проходят сходную или параллельную историю. Здесь Покровский развивает учение Крушевского об ассоциациях, которые предполагают соединение в единое целое различных представлений и установление различных видов связей между этими представлениями. Разграничение групп слов, связанных с одним и тем же фрагментом действительности, соответствует современному представлению о семантическом поле. Покровский более подробно, чем Крушевский, исследует тематические группы слов, связанные разнообразными отношениями, не только вычлняя, но и подробно изучая отдельные из них, такие как „понятия ярмарки, рынка”, „понятия меры, веса”, „понятия игр и зрелищ” и др. Покровский придает большое значение и второму типу ассоциаций, выделенному Крушевским и соответствующему синтагматическим связям слов, отмечая важность изучения слова в предложении, с учетом синтаксических факторов и контекстуального окружения.

Как и Н. В. Крушевский, М. М. Покровский связывал языковые изменения с действием психологических законов. „Вариации значений слов, с виду капризные, в действительности подчинены определенным законам, поскольку они соответствуют психологическим законам ассоциаций по смежности и по сходству, что, несмотря на свою субъективность, они вообще правильно и точно отражают соответствующие объективные изменения в жизни народов и их социальные группы” [6, с. 36]. Реальные изменения, происходящие в окружающей действительности, находят свое отражение в психологии человека, а через нее и в языке. То есть психология, по Покровскому, „канал”, по которому движутся изменения. При этом влияние реальной жизни на язык наблюдаются не только в сфере предметной лексики, но и в сфере слов, называющих физиологические и психологические явления. Например, название эмоций

может быть дано по ее внешнему проявлению: для выражения гордости – *надутый*, для выражения страха по признаку дрожи – *трус* (от *трястись*) и др. [6, с. 38].

Если под влиянием экстралингвистических факторов возникают связанные между собой представления, это приводит к возникновению связей и в семантической системе. При этом упоминание одного из явлений вызывает представление о другом. Например, глагол *звонить* называет не только сам процесс, но употребляется также и в смысле „сообщать, говорить”. Имена конкретного значения часто и используются для обозначения времени или действия. Если предметы связаны с определенным временем, то ассоциации по смежности приводят к возможности употребления конкретных имен с темпоральным значением. Например, названия блюд могут употребляться как слова, обозначающие время: *после чая* (= *после чаепития*), *от закуски до десерта*. Временное значение имеют и словосочетания *любить до могилы, до гробовой доски*. Слово *венец*, название символа брачного благословения, может употребляться для обозначения действия, самой брачной церемонии: *повести к венцу, после венца, до венца* и др. [6, с. 42].

Реальная жизнь постоянно меняется, вместе с ней изменяются функции, назначение, признаки предметов, что приводит к изменениям в значении слов. Постепенно затемняется и утрачивается признак, который был характерным и отличительным в момент номинации, по ассоциации с которым слово было названо, т.е. происходит процесс деэтимологизации. Поскольку предмет обладает и рядом других отличительных признаков и воспринимается во всей их совокупности, то первоначальный признак может постепенно терять свое значение. Покровский отмечал важность исследования исконной этимологии слова, определение которой считал невозможным без знания истории народа, а также его отдельных социальных и профессиональных групп. От рода деятельности человека зависит его активный словарный запас, восприятие значения слова. Например, слово *бойкий* вообще потеряло связь с *бой, бить*, но для торговца посудой это прилагательное может обозначать, что она легко бьется, т.е. сохраняется первоначальная мотивировка. Если *бойкая* улица – это оживленная улица, то для кучера это – скользкая улица, где лошади могут получать ушибы, т.е. также сохраняется первоначальное значение [6, с. 49]. Задача семаснолога

заключается в изучении семантической истории слов, которая может быть с точностью прослежена только при использовании данных как родного, так и других языков, в первую очередь родственных. По мнению Покровского, необходимо изучать семантическую историю не отдельных слов, а групп или рядов семантически связанных слов, объединенных смысловыми, синонимическими, антонимическими и другими отношениями. Одним из важнейших положений его семасиологических исследований является вывод о том, что пути семантических изменений слов связаны с законами развития морфологических и словообразовательных категорий. Так, например, имена со значением *nominum actionis* (процесс по действию) развивают значения, связанные с действием – результата, места, орудия действия. Имена со значением орудия действия могут называть место действия, процесс и результат действия. Имена существительные, образованные от глаголов, могут совмещать активные и пассивные значения или переходить от активных значений к пассивным. Образования со значением *nomina agentis* произошли от имен, называющих свойство предмета или из *nomina actionis* через посредство собирательного значения, например: лат. *magistratus, imperium* первоначального ‘отправление должности, власть’ могли обозначать ‘лицо, имеющее власть’, промежуточным значением являлось собирательное значение ‘совокупность властей’. Русское существительное *прислуга*, первоначально имевшее значение процесса по действию так же, как *заслуга, услуга*, употребляется как в собирательном, так и в индивидуальном значении. Английское слово *youth*, обозначавшее свойство ‘юность’, получило как собирательное значение ‘юношество’, так и значение отдельного лица ‘юноша’ и др. [6, с. 76-77].

Бесконечность человеческого опыта, постоянное расширение знаний о мире приводит к необходимости вводить новые названия для новых понятий, новых представлений. Покровский отмечает, что для этого могут использоваться новые слова или заимствования. Но в большинстве случаев пополнение лексики осуществляется семантическим путем: развиваются новые значения у имеющихся в языке слов. В разных языках процессы семантического переосмысления оказываются сходными при сходстве культурно-исторических условий. ‘Подобно тому, как сходные формы объединяются в одну категорию и затем имеют одинаковую морфологи-

ческую судьбу, так и слова со сходным значением проходят сходную семасиологическую историю” [6, с. 80].

Однако семантическое развитие слов, по мнению Покровского, связано не только с их первичным значением, но и с факторами структурного характера. Так, слова, даже связанные по значению, но имеющие разную словообразовательную структуру, т.е., с одной стороны, производные и сложные слова и, с другой – слова первичные, непроизводные, могут иметь разную историю. Новый аффикс может сильно видоизменить значение корня и привести к расхождению семантических связей между производящим и производным. Слова, ассоциированные друг с другом, имеют параллельную историю, но в то же время история каждого из них индивидуальна. История одного из таких слов может быть уже или шире другого, это связано с тем, что одно из слов в каком-либо значении сталкивается с имеющимися в языке синонимическими образованиями, которые его и вытесняют.

В своей докторской диссертации *Материалы для исторической грамматики латинского языка* Покровский подробно описывает семасиологическую историю отдельных групп слов, объединенных общностью морфологических и словообразовательных категорий. Он исследует лексические изменения имен прилагательных, выявляя основные направления семантического переосмысления, связанные с характером производящей основы. Например, русские имена прилагательные на -ный и -тельный, мотивированные глаголами и отглагольными существительными, могут совмещать активные и пассивные значения: голодный – „ощущающий голод” и „причиняющий голод”: голодный человек, голодный год; сонный „находящийся во сне, спящий” и „дающий сон, снотворный” (сонное зелье), печатный – „служащий для печати” (печатный станок) и „напечатанный” (печатная книга), вставной „приспособленный для вставки, вставляющийся” (вставные двери, вставная челюсть) и „вставленный, вделанный во что-либо” (вставной рукав). Покровский отмечает, что прилагательные, произведенные от *nomina actionis* или от других отглагольных имен, ассоциируются и с соответствующими глаголами (впрочем, если связь между глаголом и глагольным именем существительным разорвана, то прилагательное может ассоциироваться только с существительным). Благодаря ассоциации с глаголом такие деноминативные образования близки по значению

к причастиям действительного и страдательного залогов [с. 228]. Например: *призывный, притворный, складной, переходной, связной* и под. Те же отношения представлены и в других индоевропейских языках, например, латинские имена на *-osus*, произведенные от *nomina actionis*, также совмещают активное и пассивное значение. Например: *metuculosus* значит „полный страха, опасаящийся” и „вызывающий страх”, *fastidiosus* „относящийся с пренебрежением, отвращением” и „вызывающий отвращение”, *febriculosus* „больной лихорадкой” и „вызывающий болезнь”, *luctuosus* „приносящий печаль” и „находящийся в печали” и под. [с. 208].

Исследуя прилагательные, относящиеся к одному словообразовательному типу, в разных индоевропейских языках, Покровский отмечает общность протекающих в них семантических процессов, связанных со сходными тенденциями в развитии их словообразовательных и морфологических систем. Так, широко распространен в индоевропейских языках переход от значения „имеющий что” к значению „похожий на что”. Первое значение предполагает, что предмет обладает другими предметами, во втором – что он обладает отдельными признаками этих предметов. Например, *mellitus* – первоначально „имеющий мед” развивает значение „похожий на мед”, „сладкий, как мед” [6, с. 206]. В русском языке подобные отношения представлены в именах прилагательных на *-атый, -ватый*: *крылатый* „имеющий крылья” и „похожий на крылья” (крылатые брови); *узловатый* – „имеющий узлы, неровный”, и „имеющий узлы, неровный”, и „имеющий утолщения, уплотнения” (уловатые руки). В польском языке имена прилагательные на *-owaty* имеют такую же семантическую историю: первоначально они функционировали с общим значением обладания чем-либо, а вследствие семантического переосмысления приобрели значение „подобный тому, что названо мотивирующим словом”, например: *grzybowaty* „похожий на гриб”, *jajowaty* „яйцевидный”, *wężowaty* „змеевидный” и т.д. Данное значение становится очень продуктивным в указанных именах: *nitkowaty* – „нитевидный”, *szyszkowaty* – „шишкообразный”, *proszkowaty* – „порошкообразный” и др.

Таким образом, Покровский не только теоретически обосновал, но и практически применил принцип сравнительно-исторического изучения родственных языков. Он выявил общие семантические закономерности, действующие в разных языках, на примере не

отдельных слов, а групп и систем слов, связанных общностью значения, относящихся к определенным морфологическим и словообразовательным категориям.

В своих исследованиях М. М. Покровский развивает концепцию своего предшественника Н. В. Крушевского. Работы этих двух известных лингвистов в области семасиологии во многом перекликаются. Покровский вслед за Крушевским выдвигает принцип системности изучения лексики, принцип сравнительно-исторического изучения семантических явлений, обосновывает необходимость изучения групп слов, связанных ассоциативными связями, получившее дальнейшее развитие в теории семантического поля, уделяет большое значение изучению процессов деэтимологизации и реэтимологизации. В то же время в отличие от Крушевского, который большое внимание уделял вопросам общелингвистическим и с философских позиций подходил к обоснованию семантических явлений, Покровский основное значение в своих исследованиях придавал детальному изучению семантических процессов в группах слов разных индоевропейских языков, объединенных тематической, морфологической или словообразовательной общностью.

Литература

1. Колесов В.В., *Семантический синкретизм как категория языка*, „Вестник Ленинградского университета”, сер. 2, вып. 2, Ленинград–Москва 1991.
2. Крушевский Н. В., *Избранные работы по языкознанию*, Москва 1998.
3. Курилович Е., *Очерки по лингвистике*, Москва 1962.
4. Марков В. М., *О семантическом способе словообразования в русском языке*, Ижевск 1981.
5. Пауль Г., *Принципы истории языка*, Москва 1960.
6. Покровский М. М., *Избранные работы по языкознанию*, Москва 1959.
7. Потебня А. А., *Из записок по русской грамматике*, т. 1-2, Москва 1958.
8. Трубачев О. Н., *К вопросу о реконструкции различных систем лексики*, „Лексикографический сборник”, вып. VI, Москва 1963.